

УДК 821.161.1

ОБРАЗ АНТИ-РОДОВОГО ЧЕЛОВЕКА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «КРЕПКИЙ МУЖИК»

В. М. Шукшин известный советский писатель, который соединил в себе не только талант прозаика, но и режиссера, драматурга и актера. Этот особый дар В. М. Шукшина позволил ему широко реализовать в своем творчестве новые художественные тенденции, обусловил вхождение его наследия в фонд общечеловеческих ценностей. Искусство было для В. Шукшина наиболее естественным средством самовыражения, причем самовыражения полного, свободного, не ограниченного никакими преградами и условностями. Он был убежден, что нет и не может быть писателя без искренней, тревожной думы о человеке, его судьбе.

Главным вопросом, на который пытался ответить писатель, был вопрос о том, что собой представляет его современник, реальный человек, живущий с ним рядом в деревне и городе. В основе творчества В. М. Шукшина лежат поиски своего героя, попытка проникнуть в душу человека, пробудить добро в злом, выйти к всеобщей нравственной истине.

Проза писателя – явление неординарное, в его произведениях жизнь предстаёт во всём её многообразии. В. Шукшин одним из первых начал акцентировать внимание на ценностях внутреннего мира личности. Особенно важно, что в произведениях писателя отражается миропонимание народа, показывается ход истории страны, душевное состояние и психология простых людей. Несмотря на то, что героями произведений В.М. Шукшина в основном являются сельские жители или выходцы из деревни, в его прозе определяются «вечные» философские вопросы: что такое человеческая жизнь, в чем ее смысл, взаимодействие человека и общества, ответственность за свои поступки, роль человека в ходе истории. И. Золотусский писал: «Проза В. Шукшина начинается в быте, зарождается в быте, но тянется она к горным снегам» [2, с. 62]. Творчество В.М. Шукшина отличается самобытностью, русской национальностью и в то же время универсальностью.

Истинная культура человека проверяется у В.М. Шукшина отношением к выработанным народом ценностям. К характерным особенностям прозы писателя относятся: кажущаяся незатейливость мира, окружающего человека, отсутствие социально-политического контекста, ссылок на экономические обстоятельства, штрихов конкретно-исторического содержания. Существование героев заземлено, изобилует повседневными житейскими хлопотами, наполнено реалиями быта. Но за внешне незначительными событиями, исподволь, где-то в контексте автор затрагивает морально-этические и эстетические проблемы.

Василий Шукшин – писатель, который в своих произведениях отводит большую роль всему общественному. Его интересовала обычная жизнь ничем не примечательных людей, жизнь, в которой под гнётом повседневности в человеке

раскрывалось особенное – те черты и качества, которые в совокупности создавали русский национальный характер. Русский народ в его историческом движении, нравственный мир человека – вот что неизменно занимало мысли В.М. Шукшина [4, с. 186]. Судьба крестьянства и процессы, происходившие в деревне во второй половине XX века, – это то, что всегда было в центре внимания писателя.

В своих произведениях В.М. Шукшин отразил наиболее драматический период в национальной жизни – жизнь после социальных потрясений, когда происходит распад крестьянской культуры и прежней системы ценностей. Разрушается общинный мир, в котором человек был центром семьи и общины, и писатель с болью констатировал утрату нравственных приоритетов, нарушение отношений человека с землей, природой, родиной, людьми, отсутствие условий для реализации личности.

Мысль о том, что судьба отдельного человека и судьба общества в целом зависит от изменений, происходящих в душе людей, связанных с землей, красной нитью проходит через все творчество писателя. Поэтому одной из важных проблем, которой касается автор в своих рассказах, является проблема «родового человека». Она решается В. М. Шукшиным по-разному, но неизменным остается вывод, который делает писатель: если эпический герой, родовой человек, силен своей органической связью с родом, народом, землей, и именно поэтому он может многое преодолеть, принять свою судьбу, то оторванный от этих корней человек мучается, страдает, не может найти себя.

Как пишет Ю.М. Резник, «“родовой человек” есть целостное выражение всеобщих и сущностных свойств, присущих всему человеческому роду» [6]. Он является воплощением «высших» человеческих качеств, таких, как мудрость, любовь, духовность, честность, смелость, доброта, творчество и т. д.

И большинство шукшинских героев обладают качествами «родового человека», но, в то же время, отмечает Л.А. Аннинский, «на одном полюсе этого мятежного мира – тихий «чудик», робко тыкающийся к людям со своим добром <...>. На другом полюсе – заводной мужик, захлебывающийся безрасчетной ненавистью» [1, с. 242].

Ко второму типу и относится Николай Шурыгин – герой рассказа «Крепкий мужик», который предстает перед нами анти-родовым человеком, оторвавшимся от своих корней, утратившим связь с духовными истоками русского человека. Одной из главных характеристик анти-родового человека является отсутствие какой-либо четкой нравственной системы ценностей. В рассказе «Крепкий мужик» показано разрушительное в своей стихийной необузданности начало русской души, утратившей духовные опоры.

Рассказ представляет собой бытовую сценку из колхозной жизни. В колхозе «Гигант» построили новый склад, а старый, который находился в деревенской полуразрушенной церкви, теперь освободился. И тогда бригадир Николай Шурыгин, крепкий, здоровый мужик, большой любитель выпить, решает проявить хозяйственную инициативу: развалить церквушку на кирпичи и пустить их на свинарник. Председатель колхоза даёт добро, хоть и сомневается, что удастся разбить старые кирпичи: «Там не кладка, а литьё». Но Шурыгина это

не останавливает: на следующий день, в воскресенье (этот день у православных всегда ассоциируется с воскресной службой в церкви), Колька-антихрист заставил трёх трактористов разрушить церковь, невзирая на то, что односельчане пытались отговорить его от этой затеи, а школьный учитель собственным телом загоразивает церковь. Но учитель – «щуплый» интеллигент, а у Кольки «руки крепкие», поэтому он легко подавляет бунт учителя. Церковь разрушена. Проклинаемый собственной матерью и женой, обозлённый Колька ночью гонит на мотоцикле в райцентр в надежде излить душу председателю.

Николай Шурыгин – это тип предприимчиво-самодовольного человека, в котором стремление возвыситься над окружающими, доказать свою исключительность проявляется в желании сломать сельскую церковь. Именно в этом причина поступка бригадира Николая Шурыгина, уничтожающего церковь без чьего-либо приказа и без какой-либо корыстной цели. Это удовольствие от того, что можно распоряжаться, почувствовать себя большим начальником, к которому окружающие относятся со страхом и почтением: «Сперва Шурыгин распоряжался этим делом, как всяким делом: крикливо, с матерщиной. Но когда стал сбегаться народ, когда кругом стали ахать и охать, стали жалеть церковь, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями, перестал материться и не смотрел на людей – вроде и не слышал их и не видел».

Глупость, своеволие уживаются в этом персонаже с необычным самомнением и тщеславием человека, уверенного в исторической значимости его деятельности. Он мечтает оставить по себе память, и, глядя на сельских ребятишек, бригадир так и думает: «Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили. Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тросами и...» [8]. И «крепкий мужик» Шурыгин не понимает и не хочет понять, что не просто на старинное здание покушается он, а на устои человеческой жизни, её корни и истоки. Церковь – не только символ веры, духовности, чего-то изначального, церковь в рассказе – это образ дома, спокойствия, тех сил, что питают человеческую душу, она – хранительница прошлого народа, его традиций, ведь через неё проходили важные этапы человеческой жизни: в ней крестили, венчали, отпевали. А для Шурыгина важно лишь то, что церковные кирпичи можно пустить на свинарник.

Народ пытается спасти церковь: просит, умоляет, требует. Учитель призывает людей становиться под церковную стену, чтобы спасти ее. Молодой педагог считает, что Шурыгин – убийца, так как церковь для людей – не просто здание, исторический памятник XVII века, а символ прошлых поколений. Но все напрасно: ведь, по мнению самого Шурыгина, он совершает великий поступок, после которого его не забудут. Именно поэтому большинство шукшиноведов в образе Николая Шурыгина видят современного Герострата. Сам Герострат в произведении не упоминается, ассоциации с ним, по сути дела, скрытая аллюзия: автор намекает на известный историкокультурный факт. Как известно, Герострат еще в 550 году до нашей эры, дабы войти в историю, поджег в г. Эфесе одно из семи чудес древнего мира храм богини охоты Артемиды. Такой же сомнительной славы, только в масштабах своей деревни, возжелал и Шурыгин,

не ведая, разумеется, ни о самом Герострате, ни о том, что тот был казнен, предан проклятию, а имя его было запрещено к упоминанию.

Кульминацией рассказа является сцена падения церкви. В.М. Шукшин, используя приём олицетворения «оживляет», «одушевляет» старое здание и передает ощущение невыразимой боли, жалости к церкви: «Хрустнуло одно бревно, трос, врезавшись в угол, запел балалаечной струной. Странно, что все это было хорошо слышно – ревели же три трактора. Стена, противоположная той, на какую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине...» [8]. Сразу нам кажется, что речь идёт о рваной ране на живом теле. Церковь умирала быстро, но мучительно. Мы словно слышим её стон, жалостный и молящий – он просит о помощи [4, с. 105]. «Смерть» храма вызывает сострадание у каждого жителя села, но не у Шурыгина. Да, церковь он разрушил, но ожидаемого результата (бесплатного кирпича) не получил. «Покрошилось много. Причем они так: по три, по четыре кирпича – кусками. Не знаю, как их потом долбать: попробовал ломиком – крепкая, зараза!» Казалось бы, Шурыгина должна смутить безрезультатность его черного дела, однако этого не происходит. Бригадир отнесся к этому равнодушно, наплевательски: «К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу, и пусть крапивою зарастает».

После содеянного стена отчуждения отгораживает Шурыгина от людей, в глубине души ощущающих, что в тот момент рухнуло не ветхое здание, давно поруганное, превращённое из храма в склад, а рухнуло что-то важное, частица их души и бытия. Шурыгин же, столкнувшись с неожиданной для него враждебностью односельчан, не понимает в чем его вина и возмущается: «Хоть бы молиться ходили! А то стояла – никто не замечал...». И слышит в ответ: «Почто это не замечали! Да, бывало, откуда ни идешь, а ее уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее – вроде уж дома. Она сил прибавляла» [8]. Людям было хорошо от мысли, что есть церковь, а без неё – пустота – материальная и душевная. Церковь выдержала всё: и войны, и революции; не выдержала лишь человеческой неблагодарности и бездуховности. А ведь сколько тайн, признаний, исповедей хранила она в своих стенах! Всё это – прошлое, являющееся частью человеческой жизни, которую никто не может разрушить, уничтожить или стереть [5, с. 27]. И люди не забудут о церкви, как не забудут и об её «убийце» – Николае Шурыгине, который ради своего самоутверждения «свалил» церковь.

Шурыгин не только не смог воспользоваться плодами своего деяния, он остался в полной изоляции, став «чужим среди своих», одиноким и в своем селе, и даже в родном доме, так и не поняв ничего своим неразвитым ленивым мозгом. И звучат из толпы неодобрительные голоса, продавщица не хочет продавать ему бутылку, односельчане называют его «дьяволом», жена не готовит ему ужин и уходит к соседям. Старая мать ругает Шурыгина с печки: «Колька, идол окаянный, грех-то какой взял на душу!». И в то же время боится за него: «Ох, горе ты мое горькое! Проклянут ведь тебя, проклянут!» [8].

Но Шурыгиным движет еще одно чувство – зависть. Именно зависть лежит в основе преступного поведения «крепкого мужика» Николая Шурыгина,

который, ревнуя к успехам «больших людей», завидуя их карьерному взлету, «выявляет себя» в убийстве деревенской церкви. Страшно не только то, с каким остервенением выполняет свою «миссию» этот непутевый человек, но и то, что он равняется на успешных «беспредельщиков» у власти. На укоры и рыдания старой, немощной матери, которая переживает, что сына проклянут односельчане, Шурыгин спокойно отвечает: «Ваську Духанина прокляли – он крест своротил? Наоборот, большим человеком стал...»

Исследователи творчества В.М. Шукшина не раз отмечали, что в своих рассказах писатель создал особый тип «героя-"чудика", обычного человека с необычным складом души, которому свойственна эксцентричность, импульсивность, непредсказуемость поведения» [7, с. 51]. Такой герой совершает поступки, необъяснимые с точки зрения логики, тем самым вызывая недоумение и удивление у окружающих. В большинстве случаев «чудик» – это человек большой души, чувствующий красоту мира, готовый прийти на помощь любому, от него никогда не исходит угроза (Андрей Ерин из рассказа «Микроскоп», Сергей Духанин из рассказа «Сапожки», Василий Князев из рассказа «Чудик»). Сам писатель говорил: «Чудаковатость моих героев – форма проявления их духовности». Безобидным и добрым «чудикам» противопоставлены «античудики», «энергичные люди» [7]. Упрямый и озлобленный Николай Шурыгин относится именно к таким персонажам. Отсутствие души, ума, жалости, почтения к старине, неуважение к истории, пренебрежение к вере – качества, характеризующие и анти-родового человека, и «античудика», и они в полной мере воплощены в образе Шурыгина.

В.М. Шукшин показал разрушительное в своей стихийной необузданности начало русской души, утратившей духовные опоры. В «Крепком мужике» страсть героя к «быстрой езде», заливчатская удаль оборачиваются угрозой самоуничтожения нации. «Драматургическая» острота эпизода сноса церкви раскрывается не только в надрывных жестовых и речевых нюансах поведения Шурыгина («крикливо, с матерщиной»), но и в окаменелом состоянии деревенских жителей, в душах которых, «парализованных неистовством Шурыгина», брезжащий свет воспоминаний о прежней значимости священного места оказывается бессильным перед стихийной агрессией.

Рассказ «Крепкий мужик» относится к той жанровой разновидности, которую сам В. Шукшин определял как «рассказы-характеры», причём в данном случае речь идёт о характере явно отрицательном. Николай Шурыгин – это как бы земное, человеческое, материальное воплощение всего духовного зла, скопившегося в русском народе за годы советской власти. Автор, изображая злоеvidence следы «деятельности» Шурыгина, дает понять, что они не являются доказательством его правоты или победы над разумом и здравым смыслом. Да, церковь разрушена, несмотря на протесты окружающих, но это – мнимая победа. Шурыгин посрамлен, осужден своими близкими, односельчанами и только из упрямства не желает признать своего поражения. Душевная глухость, неспособность и нежелание понять других людей, примитивность и духовная неразвитость – вот против чего выступает писатель, создавая образ «крепкого

мужика» Николая Шурыгина. Читателю ясны социальная опасность и цена «раскованности» подобных натур.

Для понимания идеи произведения важен еще один момент: В.М. Шукшин акцентирует внимание читателя на том, что церковь, разрушенная Шурыгиным, построена в XVII веке. Это был важный период в истории страны, когда благодаря единению всего русского народа были изгнаны из Москвы польские интервенты. Эта победа послужила мощным импульсом для возрождения российского государства. Таким образом, основной темой рассказа является вся история России, начиная со «дня народного единства», а подлинной, всеобъединяющей проблемой произведения становится судьба России. В рассказе «Крепкий мужик» В.М. Шукшин поднял важную проблему: когда разрушается дух – духовность, погибает род – народ. Церковь в произведении олицетворяет образ дома и спокойствия, хранительницы духовного начала, тех сил, которые питают человеческую душу. Если будут разрушены духовные основы народа, то новые поколения лишатся нравственных устоев. Писатель не только показал, но и доказал, что человек, утративший связи со своими истоками, верой, всем, что людей объединяет, дает силы, терпит моральное поражение и оказывается в социальной изоляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Путь Василия Шукшина / Л. А. Аннинский // Аннинский Л. А. Тридцатые – семидесятые. Литературно-критические статьи. М. : Современник, 1977. – 271 с.

2. Заречнов В. А. Функции пейзажа в ранних рассказах В.М. Шукшина / В. А. Заречнов // Художественный текст : варианты интерпретации : труды XII Всероссийской научно-практической конференции (Бийск, 18 - 19 мая 2007 г.) : в 2-х ч. Ч. 1. – Бийск : Бийский педагогический гос. университет им. В. М. Шукшина, 2007. – С. 232-240.

3. Золотусский И. Час выбора / И. Золотусский // Литература в школе, 1996. – № 4. – С.60-67.

4. Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина / С. М. Козлова. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1992. – 218 с.

5. Овчинникова О.С. Народность прозы Шукшина : учебное пособие / О. С. Овчинникова. – Бийск, 1992. – 120 с.

6. Резник Ю.М. Специфика интегративной' антропологии. Антропология: комплекс наук и проект интеграции знаний о человеке [Электронный ресурс] / Ю.М.Резник // Спектр антропологических учений. – М. : ИФ РАН, 2006. – С. 65-83.

7. Хисамова Г.Г. Речевое поведение героев рассказов В.М. Шукшина / Г.Г. Хисамова // Русская речь, 2004. – №4. – С. 51-55.

8. Шукшин В.М. Крепкий мужик // Полное собрание рассказов В.М. Шукшина в одном томе: рассказы. – М. : ЭКСМО, 2013. – С. 430-436.

АННОТАЦИЯ

Шишкина И.Е. Образ анти-родового человека в рассказе В.М. Шукшина «Крепкий мужик»

В статье рассматривается рассказ В.М. Шукшина «Крепкий мужик», в котором показано разрушительное в своей стихийной необузданности начало русской души, утратившей духовные опоры. Анализируется образ Николая Шурыгина, воплотившего в себе черты анти-родового человека.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, церковь, анти-родовой человек, крепкий мужик, народ, традиция.

SUMMARY

Shishkina I.E. The image of an anti-tribal man in the story of V.M. Shukshina «Strong man»

The article discusses the story "Strong man", which shows the destructive in its elemental rampant beginning of the Russian soul, which has lost its spiritual support. The image of Nikolai Shurygin, who embodied the features of an anti-tribal man, is analyzed.

Key words: V.M. Shukshin, church, anti-tribal man, strong man, people, tradition.